

ФИЛОЛОГИЯ

Теория частей речи: традиция, эклектика, стереотипы

О. В. Лукин

В статье дается исторический обзор причин противоречий современной теории частей речи, основанной на греко-римской традиции. С типологических позиций вскрываются движущие мотивы развития этой теории, ее эклектичность и стереотипы. Автор анализирует закономерности, приведшие к нынешнему состоянию этой теории, и предлагает способы выхода из «неразрешимой проблемы частей речи».

Ключевые слова: теория частей речи, философия, грамматика, традиция, эклектика, стереотипы

Parts of Speech Theory: Tradition, Eclecticism, Stereotypes

O. V. Lukin

This article gives a historical review of causes of contradictions existing in modern Parts of Speech theory based upon the Greek-Roman tradition. Motives causing the development of the theory, its eclecticism and stereotypes are considered from typological point of view. The author gives an analytical review of phenomena that have brought the theory to its present state and suggests some ways solve the so called “insoluble parts of speech problem”.

Key words: Parts of Speech theory, philosophy, grammar, tradition, eclecticism, stereotypes.

Существующая уже более двадцати веков так называемая «традиционная» теория частей речи имеет в современной науке о языке исключительный авторитет. Сила этого авторитета – это не столько сила традиции и сила инерции, сколько результат смещения и неразличения проблем, релевантность которых нельзя сбрасывать со счетов. История частеречной теории началась, как известно, с неразличения философских и филологических проблем, и только затем – филологических и лингвистических. То, что это исторически объяснимо, не вызывает сомнений, однако сила инерции неизбежно приводит к тому, что лингвистический предмет частеречной теории до сих пор имеет размытые философско-филологические контуры.

Появившись в Древней Греции как философская, а затем и как филологическая теория, теория частей речи переносится сначала на латинскую почву, и лишь затем – на почву новых живых языков Европы, продолжая в Новое время влиять на языки, непохожие на европейские ни по генетическому родству, ни по типологическим признакам. Парадокс такой ситуации всегда заключался в том, что языки, на которых формировалась традиция, были не просто разговорными языками: то были языки с особым статусом, они долгое время являлись престижным средством общения и воспринимались не просто как иностранные (ср. [1, с. 116]). Соответственно, и описания этих языков были не просто грамматиками отдельных

иностраных языков, но образцовыми грамматиками престижных языков (например, латынь в средневековой Европе).

В течение более двух тысяч лет грамматическое знание было систематизировано и представлено в системе частей речи, но при этом с совершенно различными целями и в конкурирующих исследовательских программах. Теория частей речи представлена в латинской школьной грамматике и ориентированных на нее грамматиках отдельных языков, равно как и в спекулятивной грамматике, общей грамматике, а также различных вариациях сравнительно-исторической грамматики. При этом различия между универсальным и конкретно-языковым рассмотрением языка, между описанием языка как наукой и искусством, между дескриптивной и исторической ориентацией основываются не на системе частей речи: эта система была для всех общей (ср. [8, с. 9]).

Состояние всех аспектов разнообразных частеречных теорий, разумеется, непосредственно зависит от системы взглядов того или иного исследователя, элементы которой сочетаются друг с другом порой в самых неповторимых, индивидуально выраженных вариациях. Это, разумеется, придает каждой отдельной личности и созданной им теории определенные своеобразие и колорит, однако зачастую не позволяет рационально решать самые насущные задачи языкознания. При этом интуиция ученого, его опыт и окружение самым причудливым образом взаимодействуют с

прежними теориями и категориями, зачастую расплывчатыми и неопределенными (ср. [3, с. 105–106]).

Формирование любой лингвистической концепции зависит и от родного языка исследователя, и от изученных им других языков, и от научного (философского, психологического, биологического, филологического и др.) окружения и влияния на него в пору ученичества и становления научных взглядов, а также от состояния развития науки (особенно философии и естествознания) в соответствующий период.

Вопросы теории частей речи с самого зарождения этой проблематики всегда находились в центре внимания ученых: сначала философов и филологов, а только затем – лингвистов, представлявших разные направления и школы. И в зависимости от того, какие вопросы пытался решить в своей работе тот или иной исследователь, будь то философ или филолог, логик или психолог, психолингвист или лексиколог, грамматист или методист, лексикограф или специалист по переводу, лингвист-теоретик или специалист по прикладной лингвистике, каковы были его установки, школа, опыт, специализация (общее и сравнительное языкознание, грамматика, в том числе отдельных языков, морфология, синтаксис, лексикология, лексикография, психолингвистика, семантика и т. д.), так и ставился и с большей или меньшей долей успеха решался вопрос о частях речи. Неудивительно поэтому, что «части речи» в одних и «части речи» в других публикациях – нередко довольно различные понятия, несмотря даже на то, что сам состав частей речи одних авторов почти в точности повторяет частеречную номенклатуру многих и многих других вслед за знаменитым учебником Дионисия Фракийца «Τέχνη γραμματικῆ». Немаловажно заметить, что Д. Херубим оценивал «Грамматику» Дионисия Фракийца не как грамматику отдельного языка в узком смысле этого слова, а именно как инвентарь общих грамматических терминов [5, с. 126]. По сути дела, «Грамматика» Дионисия была и тем, и другим: для александрийцев не было отдельных языков, а был один язык (греческий), с одной стороны, и бормотанье варваров – с другой.

Частеречная теория к настоящему времени в известном смысле одновременно не относится ни к одной определенной отрасли языкознания, и в то же время относится сразу ко многим. Тем не менее, традиционно части речи рассматриваются в рамках грамматического, прежде всего, морфологического описания языков. Не

случайно поэтому О. П. Суник считал, что создание общей теории частей речи «...не может быть осуществлено посредством одних только индуктивно-эмпирических методов, предполагающих детальное обследование каждой части речи и всех составляющих ее членов (слов) в каждом отдельном языке, хотя строгий учет имеющихся грамматических наблюдений и выводов, содержащихся во многих грамматических исследованиях лингвистов разных школ и направлений, совершенно необходим» [4, с. 8].

Немаловажным фактором в развитии частеречной теории всегда был и остается родной язык исследователя. Типологические особенности родного языка исследователя были для него чем-то вроде аксиомы. При этом одни анализировали строение этого языка, а полученные выводы распространяли на другие языки и на человеческий язык вообще, говоря об универсальных свойствах языка, а другие на основе анализа содержания, заложенного в языковых формах своего языка, распространяли эти идеи на всю ту теорию, в русле которой и ведутся их исследования.

Однако самый факт, что в других языках может быть и есть в действительности совершенно иная парадигма содержаний, вызванная особенностями типологического строения этих языков, недостаточно затрагивался в публикациях по теории частей речи. Если же автор и касался в этой связи проблем типологии, то спешил заявить, что она не является предметом его рассмотрения (ср. [7, с. 133]). В лучшем случае исследователь подчеркивал зависимость своих коллег от «традиции» индоевропейских языков: тот, кто вырос носителем индоевропейского языка, тот, кто «вырос в этом языке», не может отделаться от представления, что в языках другого типа обязательно должны быть представлены основные категории индоевропейских языков (ср. [9, с. 27]).

Нельзя не заметить, что, пожалуй, самой главной бедой теории частей речи в ее нынешнем состоянии является ее непревзойденная эклектичность, вошедшая едва ли не в пословицы (ср. [7, с. 131]): ориентируясь чуть ли не на уровне подсознания на греко-латинские части речи, исследователи, словно генетически запрограммированные многими поколениями своих учителей, всегда «интуитивно» нащупывали нечто похожее в исследуемых языках, часто едва ли отдавая себе отчет в том, что же они ищут.

Теория частей речи с ее более чем двухтысячелетней историей представляет собой не только один из ярчайших примеров собственно научной эклектики, висящей над ней дамокловым мечом и по сей день, но и пример того состояния научного процесса, когда общенаучные подходы к языку вообще трактовались как методические принципы на относительно узком пространстве лингвистических исследований. Категории Аристотеля, выведенные из особенностей строения его родного языка, в истории языкознания и истории частеречной проблематики оказались не просто образцом, а принципом описания всех других языков – вначале родственных и типологически похожих на древнегреческий, а затем и всех остальных. И такое положение вещей продолжает оставаться непреложным научным фактом, не претерпевшим существенных изменений и по сей день.

Эклектичность частеречной теории проявляется в разных исходных положениях исследователей, в разных критериях оценок, «точках отсчета» при характеристике всей системы, каждой отдельно взятой части речи, каждого из критериев выделения и всех критериев в их взаимосвязи. На эклектичность как принцип, якобы характерный для современной науки вообще, с которым связаны многочисленные сложности в науке о языке, указывали многие исследователи (ср., например, [2, с. 20–21]). Эклектичность теории частей речи имеет достаточно простое объяснение: части речи в их самом широком и общем понимании находятся в центре всех исследований языка как важнейшего средства человеческого общения. Поэтому все аспекты, связанные с общением, не могут не входить в сферу внимания таких исследователей. А акценты, расставляемые при этом, всегда были, есть и будут обусловлены исторически. От философских и логических, онтологических, эпистемологических аспектов через риторические и филологические теория частей речи прошла свой путь к собственно лингвистическим аспектам, охватывая при этом когнитивные, психологические, психо- и нейролингвистические явления.

Едва ли возможно совершенно определенно сказать, когда же окончательно сложилась сама теория частей речи. Разумеется, это произошло не во времена Платона или Аристотеля: тогда лишь были заложены философские и логические основы, приведшие к ней (хотя о частях речи говорили и тогда). Не произошло этого и при

стоиках: стоики придали платоновским и аристотелевским идеям совершенно иной поворот, хотя, на первый взгляд, они и углубили теорию частей речи, добавив в ее номенклатуру несколько новых членов.

Скорее всего, это случилось во времена Александрийской грамматики: александрийские филологи подошли к частям речи уже с иных позиций, чем Платон и Аристотель или стоики, но именно они выделили и описали те части речи, которые известны сейчас каждому школьнику. Однако нельзя сказать, что и последующими поколениями ученых в теорию частей речи не было сделано весомого вклада. Вклад действительно был сделан, но любой вклад в теорию частей речи неизменно приводил к нарастанию снежного кома эклектики.

Аристотелевские термины «онома» и «рема», как известно, имели уже иное значение, чем у Платона. Постепенная подмена в данных терминах стоиками и александрийцами логического грамматическим, а значит, и содержательного формальным – новый важный шаг в истории частеречной теории, который и привел к той условности, той схеме, известной нам как восьмичленная парадигма частей речи Дионисия Фракийца. Если же вникнуть в ход мыслей греческих исследователей от Аристотеля и Платона до Дионисия Фракийца и Апполония Дискола, то не понадобится критиковать «традиционную» грамматику за «смешение критериев классификации» и изобретать собственные комбинации или последовательности критериев классификации частей речи, многие из которых стали не просто азбучными истинами – они усвоены абсолютным большинством исследователей едва ли не на уровне подсознания.

После александрийцев интерпретация всех «частеречных построений» стала так или иначе повторяться, с добавлением частных акцентов, продиктованных потребностями общества и науки соответствующего времени и языков, на основе которых велись исследования. Все эти дополнительные наслоения и привели к той непревзойденной эклектике традиционной частеречной теории, которую мы сейчас вынуждены принять как данность.

В этом смысле классическая александрийская система дает гораздо больше для постижения закономерностей описываемого ею языка. Однако несмотря на достойную восхищения проницательность, с которой древнегреческие мыслители постигли формы выражения своего родного языка, их последователи переняли лишь

термины и схему, вместо того чтобы научиться у античных мыслителей мастерству постановки вопросов и методам исследования своего родного языка. Европейские исследователи не переняли у греческих мастеров плодотворных методов, с помощью которых они смогли бы найти в каждом из исследуемых новых языков Европы те категории, которые были бы действительно присущи только им (ср. [6, с. 29–30]).

Однако гораздо чаще говорят о другой эклектичности частеречной теории, являющейся закономерным следствием первой. Эта эклектичность, эклектичность в узком смысле этого слова, связана с так называемым «смешением» критериев выделения и классификации самих частей речи. Но и она едва ли действительно относится к тем недостаткам частеречной теории, которые заслуживали бы серьезной предметной критики. Ведь «смешение критериев» (термин сам по себе достаточно спорный) представляет собою не что иное, как отражение уровневой организации языковой системы. Более того, при смешении критериев классификации происходит и смешение несмешиваемого в языке: смешение формы и содержания, смешение формальных критериев классификации (особенно морфологического и синтаксического) с содержательным (семантическим). Впрочем, этот последний всегда представлял собой весьма причудливую смесь из онтологии, гносеологии и логики, а также многочисленными дополнениями и, каждый раз, с самыми разнообразными интерпретациями этих составляющих.

С учетом вышеизложенных соображений, очевидно, и следует анализировать частеречные схемы, системы и теории в разные периоды истории языкознания в существовавших научных, в том числе и лингвистических школах. Существующие разновидности признанной во всех языках общей теории частей речи в действительности представляют собою неоднородные сочетания нескольких теорий, ни одна из которых, как показывает практика, не может достаточно адекватно описать свой предмет. Там же, где на пути одной теории встают непреодолимые преграды, на вопросы, на которые она не может ответить, отвечает следующая, и так далее. Эффект лоскутного одеяла, способного удовлетворить определенные практические потребности, – это тоже характерная особенность современного состояния «проблемы частей речи».

Неудивительно, что практически во всех работах, так или иначе затрагивающих теорию частей

речи, содержится немало стереотипов и предрассудков в отношении этой теории. Многие исследователи говорят о неудовлетворительности существующей теории частей речи, их номенклатуры, критериев выделения и классификации частей речи. Пафос их рассуждений сводится к тому, будто существующая частеречная теория не удовлетворяет современным требованиям, но ничего лучшего предложено не было, поэтому остается пользоваться ее положениями, в целом пригодными для повседневных целей.

Недостатки современной теории частей речи обусловлены, как нам представляется, недооценкой следующих ее закономерностей:

1. У **Платона** «онома» и «рема» – это не части речи в их современном грамматическом или лексико-грамматическом понимании, а компоненты логического суждения (аналогично – у **Панини** в Древней Индии). При этом все рассуждения древних мыслителей велись только на материале анализа их родного языка (древнегреческого и древнеиндийского).

2. Соотношение грамматики и логики, грамматики и семантики в период становления теории частей речи было иным, чем сейчас. Грамматика первоначально была составной частью философии, у **стоиков** («аномалистов») она стала частью логики, состоявшей, как известно, из эпистемологии, риторики и грамматики.

3. **Александрийцы** («аналогисты») создали то, что называется до сих пор «традиционной» грамматикой, их поиск закономерностей языка (древнегреческого!) привел к установлению флективных «канонов». Традиционную грамматику создали филологи-аналогисты!

4. **Римские грамматисты**, которые еще детьми воспитывались на *престижных классических греческих образцах*, с младых ногтей видели в греческом языке (и соответственно – в греческой грамматике) единственный образец для подражания.

5. Латынь была на протяжении всего **Средневековья** *универсальным* письменным языком Европы – языком церкви, политики, науки. Модисты-схоласты в своих исследованиях частей речи пытались свести категории грамматики, логики, эпистемологии и метафизики к единым принципам.

6. Философы-гуманисты эпохи **Возрождения**, находившиеся под влиянием античной традиции и «спекулятивных» грамматик Средневековья, не внесли своими «рациональными» грамматиками ничего существенно нового в теорию частей речи. Дедуктивный анализ языка учеными Пор-

Рояля привел не к смещению логического грамматическим, а к подмене языкового онтологическим.

7. **Современная** теория частей речи так или иначе находится под влиянием двух философских направлений – **позитивизма** и **антипозитивизма**.

Теория частей речи может и должна раз и навсегда освободиться от некогда навязанных ей стереотипов. Даже любая более или менее современная критика «традиционной» теории частей речи есть не что иное, как очередная ревизия одних стереотипов с позиций других. И все это происходит в обстановке отсутствия какой бы то ни было терминологической определенности, когда один ученый не может понять, о чем действительно говорит его коллега.

Однако, несмотря на все недостатки и противоречия теории частей речи, следует отметить, что так называемой «проблемы частей речи» в принципе не существует, тем более нет «неразрешимой проблемы частей речи». Этот тезис основан на анализе нынешнего состояния данной проблематики и может быть пояснен несколькими, в том числе и императивными утверждениями:

– не следует из философских, логических категорий выводить языковые, даже хотя бы потому, что многие философские и логические категории в той или иной мере являются следствием языковых категорий языков, на которых говорили их создатели;

– не следует даже смешивать онтологические и гносеологические категории, объясняя частеречную семантику исключительно первыми;

– не следует вгонять живые языки в прокрустово ложе мертвых, то есть рассматривать современные языки через призму античных грамматик;

– универсальной теории частей речи в ее традиционном понимании не может быть в том смысле, что нет универсального языка и универсальной речи, части которой выделялись бы и классифицировались.

Универсальность общей теории частей речи может сводиться, на наш взгляд, к следующим

основным и столь же бесспорным положениям:

а) текст любого языка членится на определенные соотносимые со словом части;

б) эти части по ряду признаков непохожи одна на другую;

в) все эти части в большей или меньшей степени обусловлены общностью человеческого мышления.

Из пункта а) вытекают все трудности, связанные с вычленением и определением слова, с пунктом б) связаны проблемы критериев классификации, их иерархии, взаимодействия и т. п.

Библиографический список

1. Алпатов, В. М. История лингвистических учений [Текст] / В. М. Алпатов. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 368 с.
2. Будагов, Р. А. Чему нас учит история науки о языке? [Текст] / Р. А. Будагов // НДВШ. Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 13–25.
3. Кацнельсон, С. Д. О категории субъекта предложения [Текст] / С. Д. Кацнельсон // Универсалии и типологические исследования (Мещаниновские чтения). – М. : Наука, 1974. – С. 104–124.
4. Суник, О. П. Общая теория частей речи [Текст] / О. П. Суник. – М., Л. : Наука, 1966. – 132 с.
5. Cherubim, D. Grammatische Kategorien: das Verhältnis von „traditioneller“ und „moderner“ Sprachwissenschaft / D. Cherubim. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag (Reihe Germanistische Linguistik, Bd. 1), 1976. – 196 S.
6. Glinz, H. Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefaßt und dichterisch gedeutet / H. Glinz. – Düsseldorf: Schwann, 1957. – 208 S.
7. Knobloch, C. Sprache als Technik der Rede. Beiträge zu einer Linguistik des Sprechens / C. Knobloch. – Frankfurt / M. : Peter Lang (Theorie und Vermittlung der Sprache; Bd. 9), 1988. – 246 S.
8. Schlieben-Lange, B., Hubert, I. Das neue Interesse an den alten Wortarten / B. Schlieben-Lange, I. Hubert // Brigitte Schlieben-Lange, Ivo Hubert (Hrsg.) Wortarten. (Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik (LiLi). – 1988, H. 76, 19/1988). – S. 7–12.
9. Schmitt, A. Der nominale Charakter des sogenannten Verbuns in der Eskimosprache / A. Schmitt // Kuhnsche Zeitschrift. – 1956. – № 73. – S. 27–45.